

Философия права

Необходимо сразу оговориться, что не стоит обращать внимания на пафос названия выбранного эссе. Автор ни в коем случае не претендует на лавры Георга Гегеля или других философов, пытавшихся докопаться до сути правового феномена. Эта работа ни в коей мере не пародия, апология или аллюзия к работе великого немецкого философа. Такое название выбрано по одной довольно банальной, но важной причине - дань традиции жанру, который даёт наиболее широкий коридор для манёвра мысли в той или иной сфере. Говоря проще, написав заголовок «философия права», я собираюсь излагать свои мысли, своё мироощущение и понимание права, докапываясь до его сущности, цели.

Кто-то может заявить, что я слишком юн и некомпетентен, чтобы излагать свои мысли на этот счёт. На это можно сказать лишь то, что человек достигает зрелости ума не с привязкой к возрасту или этапу в жизни, а с постижением интереса к тому или иному вопросу. Порой приходится слышать умелые осмысленные обсуждения футбольной аналитики практически на профессиональном уровне в среде обычных фанатов. Возраст или профессия их была меньшим или ничтожнейшим из показателей компетентности в вопросе. Люди любят этот спорт и своим интересом подпитывают изучение его глубинных процессов. Их мозг уже самостоятельно настроен видеть то, что не видит обыватель, пусть и увлекающийся в некоторой степени футболом.

Что я хотел сказать этой аналогией, так это то, что важной отправной точкой в любом исследовании является постановка вопроса для себя – осознанно или нет. Человек, который пытается разобраться в чём-то удивительном для него, который ставит этот вопрос перед собой и начинает осмысленно искать ответа, всегда «блажен» в своих намерениях. Как утверждал Аристотель, «философия начинается с удивления». Когда-то для меня стал удивительным феномен общества. И отсюда начинается моя «философия».

Что есть общество? Чем оно движимо и подпирается? Очевидно, законами. Как и всё, что есть в природе. Но много ли общего у тех законов, что составляют суть физики и объективных законов Вселенной, и тех, что напечатаны в законодательствах государств. В момент такой постановки вопроса для меня открылось право. Так много хотелось получить ответов, но на данном этапе я понимаю, что можно довольствоваться лишь мощными по своему видению и аргументации теориями, которые, как справедливо утверждают на лекциях по Теории права и государства на юридическом факультете СПбГУ, отражают отдельные грани права, но не весь многогранник.

И эта работа – попытка обобщения мыслей. Попытка вызвать дискуссию. Стремление к поиску ответов и нахождению если не истины, то хотя бы действенных принципов, которые приблизят нас к пониманию права и общества. И уже хотя бы с этой оговоркой я вижу в себе силы и право, несмотря на мой ничтожный опыт, изложить своё видение феномена права. И естественно, я опираюсь не только на голые интерес и стремление найти ответы, но определённый опыт и базу знаний, которые были приобретены в процессе поиска ответов, а также ставлю важнейший вопрос политики права – как сделать право «живым» в полном смысле этого слова. Как сделать его действенным механизмом функционирования общества. Эта работа, надеюсь, будет полезна как для автора, так и для читателя.

Правопонимание

Типы правопонимания

Специфический термин отдельного раздела начального обучения студентов-юристов. В рамках теории государства и права (или теории права и государства) студентам растолковывают сущность двух мастодонтов-теорий в юридической науке. Это позитивизм и юснатурализм (или естественное право). То есть можно сказать, что разлом в сфере правопонимания проходит по линии первичности. Что было сначала и что, а главное, исходя из каких начал, руководит: право или государство? Действительно, весьма важный, даже узловым вопросом юридической науки.

Отвечая на него, мы сможем понять, что более важно, на что опираться и из чего исходить в приложении права. Что человеку более необходимо: ведь позитивисты, например, утверждают в большинстве своём, что право не могло зародиться вне государства. Этот тезис можно было бы трактовать мягко: действительно, нормы права появились лишь в государстве. В догосударственный период (в потестарном обществе) они просто не носили императивный характер в той мере, в которой его обеспечивает государственное принуждение. Однако философия Гоббса, например, прямо даёт понять, что в догосударственное время была анархия, бесправие и «война всех против всех». Даже «естественник» Руссо считал, что до общественного договора была анархия. То есть некоторые философы буквально рассматривают догосударственный период как отсутствие законов. При этом многими игнорируется наличие обычаев, норм обыкновений (которые, кстати, являются юридическими нормами в современном гражданском праве). Почему так?

Порассуждав, можно предположить, что существует тенденция к привязке к современному времени. Рассуждая об Античности или более далёких временах, мы с трудом можем представить, что закон не опирался на принуждение в современном его смысле. Действительно, даже в Риме и Греции (преимущественно в Афинском полисе) – наиболее развитых в правовом плане древних государств имело место принуждение. Но также

нужно понимать, что и вне государства вполне могут существовать неписанные правила, которые имеют силу закона. Но в этом случае их обязательность обеспечивается не принуждением государства и даже не просто обеспечением боязни осуждения ближнего (что очень часто приписывают моральным нормам), а «внутренне принуждение». Оно-то как раз может опираться на различные мотивы: от боязни осуждения до конформизма и стадного чувства (или более высоко мотиватора – социальной идентичности). Это очень важная мысль: то, как мыслится право отдельным человеком. Мы к ней ещё вернёмся позже.

Пока же важно отметить, что право не всегда опиралось на принуждение государственного аппарата. Кстати, примеры тому мы можем найти совсем близко. Самый яркий – рыцарский кодекс, не записанный по сути нигде. Из более современного – мафия. Очень плоско было бы утверждать, что соблюдение законов здесь опирается на боязнь мести. Тут скорее встаёт феномен чести (который достоин отдельного рассмотрения – не в рамках данной работы). Так или иначе, с карточным долгом, с обыкновениями этикета и т. д. мы не связываем принуждения. Они опираются на внутреннее убеждение необходимости их соблюдать. Почему нужен этикет? Чтобы ограничить в позитивном смысле сферу должного поведения для человека. Он не императивен, но даёт понимание того, как следует вести себя в спорных или вообще в любых бытовых ситуациях. Помогает ориентироваться. Почему важно возвращать долг? Потому что на кону стоит как самоуважение, так и престиж (помимо вообще принципа честности). Ни в коем случае нельзя недооценивать этих составляющих в личности.

Но что важно – то же самое могло двигать людьми в догосударственный период. Даже в «дородоплеменной». Обычай устанавливались для ощущения порядка, устанавливались из понимания того, какой вид поведения в той или иной ситуации может принести большие плоды для всех.

К тому же, всем известное Римское право было в период ранней монархии основано на обычаях. «Законы Двенадцати таблиц» были кодификацией обычаев. Было ли это прообразом законодательства? Иными словами, можем ли мы сказать, что нанесение законов на бумагу (естественно было это и задолго до «Законов двенадцати таблиц») стало означать их юридическую силу, охрану их соблюдения государством? Что теперь им нужно следовать не из понимания необходимой эффективности, а из-за боязни наказания? Вряд ли точно можно ответить. Очевидно, что в какой-то момент истории нанесение на бумагу (в том же Риме, естественно, бумаги не было, использовались в основном глиняные таблички; «бумага» использовано как часть оборота, которым мы сегодня характеризуем записывание закона) стало связываться с обязательностью. Просто потому, что на это можно ссылаться при предъявлении обвинения более успешно, чем на апеллирование к немой договорённости.

Когда общественные отношения дошли до этого, трудно сказать. Однако мы также вполне допускаем, что те же «Законы Двенадцати таблиц», «Кодекс Хаммурапи», «Законы Солона», «Законы Клисфена» «публиковались» и кодифицировались для возможности ознакомления с ними. Мы помним, что принятию закона в Риме предшествовали общественные дебаты и прения; в Греции – обсуждения в Народном собрании (а там было представлено всё, как бы мы сейчас сказали, правоспособное населения – мужчины с правом ношения оружия). То есть публичность – неотъемлемая часть тогдашней системы. Поэтому «публикация» могла и не быть частью юридического закрепления.

Если сильно упрощать, можно сказать, что право прошло через стадии обычая (следую, потому что верю) в родоплеменной период, потом государственный, где принуждение уже имело более серьёзный характер (принуждала община, ведь в той же Греции следование законам была частью достижения общего благосостояния или «общего дела» – *res publica*), а далее с разрастанием государства отношения усложнялись, и к следованию завета общего дела, которое невозможно без следования закону, принуждало государство.

Вывод таков, что право, действительно, родилось в государстве, но только в той форме, в которой мы его понимаем сегодня. В более упрощённом виде же оно имело место и вне государственно-общинного строя.

Несмотря на то что применительно к вышеуказанному типу правопонимания звучал термин позитивизм, ясно, что разобрали мы только наиболее радикальную из его форм, а именно: правовой этатизм. Также в рамках позитивистской теории существуют такие крупные направления, как психологическое и социологическое. Тем не менее эти две «субтеории» движутся в своих исходных положениях от схожих точек. Психологическая теория утверждает, что нормы права – индивидуальное понимание личностями права, а социологическая – объективные правоотношения, на основе которых мы формируем нормы права. Где же схожесть? Если копнуть глубже, то можно сделать вывод, что по сути и социологическая теория, и психологическая вылавливают закономерности и принципы функционирования общества и формулируют их в конкретных правилах, законах. Только психологическая теория делает акцент на индивидуальность, а социологическая – на общество в целом, в котором эти индивидуальности творят правоотношения вне зависимости от воли отдельного лица (или с малой долей влияния).

Теория и практика классического позитивизма

Мы говорим об объективности этих правоотношений. Однако отличительной чертой юридического позитивизма является как раз его субъективность, упрощённо говоря. Просто потому, что право – это волеизъявление государства. Очень точно принцип, доктрину (как угодно)

позитивизма описал Ганс Кельзен: «Любое произвольное содержание может быть правом». И при прочих равных, как говорят экономисты, это так. Но мы понимаем, что эти «прочие» (компоненты общества) не позволяют рассматривать право как узурпацию государства. Оно только в теории может установить всё, что угодно. Но теория не учитывает ответной реакции общества. Даже во времена абсолютной монархии абсолютная узурпация была невозможна.

Наиболее яркий пример – Английская революция 1640–1660 гг. Карл Первый не был абсолютным монархом. Тем не менее мы видим, что он обладал весьма широкими полномочиями, частично оставшимися от пережитков Средневековья, когда государство было по сути узурпатором в руках монарха. (Кстати, Карл обладал специфическим «*jus feodale*» – «правом феодала». То есть он был не только политическим главой государства, но и первым сеньором. Что значит, по сути, право одного из главных собственников земли государства и вассалами, ею пользовавшимися, а это явно шире прав обычного монарха). И тем не менее он не мог получить средства на подавление волнений в Шотландии. Долгий парламент в итоге не только установил республику (хоть изначально такого в планах не было), но и быстро забрал у монарха часть привилегий (в частности, по «Трёхгодичному акту»).

В качестве более близкого и понятного примера вспомним историю России, где крепостное право объективно тормозило развитие экономических отношений ещё с середины XVIII века. И даже «ученица Вольтера» и один из главных просвещённых монархов России Екатерина II не решилась отменить крепостное право. Почему? Она была одним из самых могущественных монархов Европы в том числе в плане концентрации власти, но и она не могла игнорировать чаяния ведущего сословия – дворянства, которое, несомненно, отреагировало бы на экспроприацию у неё крепостных (пусть и с компенсацией).

Вывод наш таков, что государство в лице даже абсолютных монархов не может произвольно устанавливать нормы права. Говоря условно, как бы мы ни хотели установить для своего тела стабильный четырёхчасовой ежедневный режим сна, чтобы успевать больше, закономерные естественные процессы организма отторгнут это наше «установление», точно так же отторгнет живой организм общества со своими социологическими процессами (автор придерживается мнения, что их можно охарактеризовать как естественные, в том плане, что влияние отдельных индивидов и даже групп весьма ограничено). В современном обществе таким механизмом саморегуляции является гражданское общество (аморфное в целом – оно может быть не всегда организовано в виде целостных структур, групп, партий, но как общественное самосознание).

Обыгрывая название параграфа, скажем, что позитивизм целостно в классическом виде осуществим в теории, на практике возможен лишь с большим количеством оговорок (история знает много случаев, когда за

бесправными установлениями правители умудрялись выстроить живописную панораму легитимности и целей достижения благосостояния).

Естественное и натуральное

Это наиболее сложная часть понимания права, хотя, читая «аннотацию» к этой теории, мы обрадуемся простоте и изящности, которую нам преподносят. Как и в социологической теории, право берёт свои нормы из объективных процессов. Только в данном случае масштаб расширяется, охватывая не просто общественные отношения (правоотношения в данном случае), а также естественные законы человеческой жизни. Но вопрос в том, что есть естественные законы.

Когда мне приводят в данном случае пример морали, я выступаю адвокатом дьявола и начинаю спрашивать, насколько естественна сама мораль и чем это обосновывается. Наиболее очевидный пример – внутреннее убеждение. То есть, я беру моральные принципы из себя, я ощущаю, что так правильно. Не исключено, что это мне сам Господь Бог заповедовал или вложил в меня. То есть «есть звездное небо над головой и моральный закон внутри нас» (И. Кант). Но это тупиковый путь разговора, потому что далее я спрошу сторонника не теологической теории: «Откуда внутри тебя это убеждение?». Ответ может звучать как «исходя из объективных законов природы».

Я не люблю разыгрывать одиночную партию в шахматы в рассуждениях, то есть отвечать за собеседника, а потом успешно разбивать его тезисы, но такой тезис вместе с теологическим действительно часто приходится слышать. Потому я не стану опровергать его, но попросту изложу своё мнение на данный вопрос. Читатель же пусть решит для себя.

Для этого я испрошу разрешения на небольшой отход от темы и некоторое рассуждение о морали. Она, по мнению автора, только в специфических моментах являются различными общественными ценностями.

Нечто внутри нас

В самом общем смысле не существует понятия абсолютной морали. Мы можем говорить, что китайская философия и древнегреческая имеют, несмотря на свои абсолютно различные исходные состояния, принципы в виде эмпатии, ценности человека (то, что раб человеком не считался мы опустим) и т.д. То есть всё-таки общечеловеческие, что называется, принципы. Но я вам говорю, что на Ближнем Востоке многожёнство такое же естественное моральное стремление к продолжению рода, в то время как в Европе, многих странах Азии и Америки, это показатель оскорбления женщины, которая такой же человек с такими же чувствами. И это порицается не только моралью, но и законом. Если бы у туземцев было понятие морали, оно бы сильно отличалось от нашего. Он может убивать, не задумываясь, исходя из своего менталитета (речь, безусловно, не о всех

туземцах), потому что того требует ситуация, потребность. Он развивался в других социальных условиях, не испытывая потребности в развитии сознания до уровня постановки вопроса: так или не так? Понятие мести очень долгое время оправдывало убийство, пока все вдруг не поняли, что оно мало чем отличается от убийства, и есть более гуманные способы наказания.

Так что есть мораль, если сложно её общую найти? Мораль – это, в самом общем виде, следствие более глубокого осознания действия с позиции того, на кого эти действия распространяются (эмпатия). Это непонятно откуда взявшийся механизм человеческого сознания. Когда-то человек научился осознавать свою личность, но на более высоком уровне развития он стал экстраполировать свой опыт на других людей. То есть он осознал, что люди похожи не только внешне, но и внутренне. И с углублением этого понимания он стал переносить на себя действия, причинённые другому. Он перестал убивать, потому что не хотел быть убитым. Стал помогать, потому что сам когда-нибудь будет нуждаться. И даже больше: он смог более явно поставить себя на место другого и чувствовать его боль (не всегда буквально).

И вот тут различие во взглядах с теми, кто считает, что законы природы изначальны и абсолютны, в том числе мораль. Пример итальянской вендетты или туземцев изображает, что мы попросту прошли разный путь развития с постепенным приходом к тому, что почти всё мировое сообщество восприняло ценности, которые мы сейчас называем моральными и отчасти естественными (не все естественные понятия подпадают под моральную категорию). Мораль – это функция, принципы, созданные или даже скорее подмеченные человеком, исходя из понимания того, как будет лучше. Будет лучше, если я не убью, кого мне взбрёт в голову, ибо если каждый сделает это, то начнётся ад. Я не украду потому же. Я помогу другому человеку не просто потому, что хочу, чтобы помогли мне. Я осознаю, что таким образом начинаю цепочку кооперации, когда каждый содействует другому. Так мы сможем добиться большего. Ну и нельзя исключать фактор личного самомнения. Со временем подобные поступки стали всеобщие одобряемыми, а значит, индивид мог стремиться к этому одобрению. Но не ради самого одобрения, а ради чувства собственного достоинства, ради внутреннего самоуважения, которое в разы существеннее.

Мне не хочется, чтобы эти рассуждения воспринимались как утилитарная трактовка морали. Нет. Мне важно, чтобы в этом увидели принцип того, что человек действует в целом рационально. То есть он естественно старается сохранить себя, свой род (в том числе человеческий, избегая анархии в виде «все против всех»). За счёт более высокого интеллектуального развития он делает это на более высоком уровне, чем животные. Дискуссионный вопрос, развилась ли эмпатия в нас от природы. Скорее всего, это следствие более сложного строения мозга, а значит, и сознания. То есть принципы морали мы не вылавливаем из природы, а сами формулируем их, исходя из того, как мы считаем нам будет лучше (избегаю

«рациональнее»). Но опять же: как лучше, мы понимаем, опираясь на некоторые законы природы.

Именно поэтому я вижу много общего между моралью и правом. Право делает тоже самое, только в пределах групп, государств и обществ. Но мораль очевидно первична по отношению к праву.

Юснатурализм

В таком случае юснатурализм (естественное право) весьма схож с социологическим подходом. То есть мы берём в одном случае из теории, в другом – из практики отношений. С некоторой разницей: в рамках общества может продолжать функционировать рабовладельческое общество и социологический подход будет устанавливать нормы права, регулирующие продажу рабов, их содержание и т.д., в то время как естественное право будет апеллировать к тому, что рабы – тоже люди, поэтому будет отрицать законодательство, закрепляющее такие правоотношения. Социологический подход лишён ценностного аспекта. Он исходит из того, что раз такие отношения есть, то они должны. Юснатурализм имеет свой изначальный идеал и стремится его воплотить.

Понятно, что термин «естественный» был выбран как противопоставление той заскорузлой неестественности, к которой человек пришёл после Средневековья. Когда он любил Бога, но эта гипертрофированная любовь заставила его убивать за него. Когда он хотел порядка, что возможно практически только при единоличном правлении, а получил узурпацию монархом. Это всё очевидно неестественно, противоречит пониманию человека о благом. Появилось казавшееся логичным суждение. Дать человеку свободу. Он же сам может быть себе хозяином. Это стало огромным прорывом в понимании функционирования общества. Теперь мы закрепляем за человеком и гарантируем ему естественные, неотторгаемые от него права. Человек убрал над собой машину государства. Не полностью, но заставил с собой считаться.

Рассуждать о позициях естественного права столь же сложно, сколько сложно это делать о нравственности и морали. Естественность также не может считаться эталоном. Человек родился свободным, но сколько дискуссий нужно провести, чтобы понять, что есть эта свобода: вседозволенность или всё-таки она ограничена рамками, а тогда свобода ли это? Человек совершенно естественно чувствует гнев, но должен ли он его изливать наружу или сдерживать. Умение переступить через себя при гневе отнюдь не естественно, а выработано человеком. И кто скажет, что естественность в данном случае превалирует?

Естественно – не убивать человека. И с этим трудно спорить. Но что насчёт смертной казни? По естественному праву мы все свободны, мы не должны отбирать у человека его главную принадлежность – жизнь. С другой стороны, господствует мнение, что мы объединились когда-то как общество. То есть мы приняли идеалы его. За грубейшие нарушения этих порядков мы

можем и должны наказывать. Но отдавал ли человек когда-то в руки государству свою жизнь? Или соответствует ли наказание в виде смерти какому-либо проступку, даже убийству? Ведь того человека не вернёшь, а мы породим ещё одно убийство – ещё одно противное естественному порядку действие. С другой стороны, что нам, не убивать человека и держать его до конца дней в заключении? А на чьи средства? На средства людей, того самого общества, идеалы которого он предал. И будьте уверены, что если вы для себя с уверенностью развязали узлы противоречий в этом примере, то ваш ближний наверняка с такой же уверенностью это сделал с иным взглядом на то, что правильно.

А почему мы изначально-то решили, что смертью нужно наказывать грубейшие нарушения? Как показательный парад государства с целью продемонстрировать, что нарушения будут жестоко пресекаться? Но разве исследования не показывают, что, например, в исламских странах, о наказаниях в которой все наслышаны, уровень преступности не падает по отношению к мировому. Он выше, причём намного. И коррупция в Китае мало изживается. Так действует ли это? Очевидно, решение лежит вне компетенции права.

Право и общество

Мы довольно много написали про понимание права. Но не сказали самого важного. Его надо в первую очередь воспринимать не как меню действий, и не нужно праву отдавать чрезмерные лавры регулятора. Это в некоторой степени мера дозволенного, в чём-то – доктрина и программный документ отдельного общества, где выражены ценности, на которые оно опирается; в чём-то это, безусловно, и предписанные правила поведения. Оно не цель, а средство сохранения духа и процветания государства. Но средство, надо сказать, пассивное.

Мы можем без конца выделять право легитимного принуждения государства как основной признак его, но, как справедливо написал в «Энциклопедии права» Е.Трубецкой, тогда по сути всё можно сделать правом. Был бы аппарат принуждения. Но мы привыкли говорить о праве как о справедливом и направленном на сохранение благосостояния. Оно не регулирует, а защищает честных граждан от посягательств, от вероломства, и попросту охраняет возможность жить и реализовывать себя. В остальном общество само строит себя. Пока общество не принимает на должном уровне законы, воплощённые из права, его (общество) нельзя заставить. Можно убедить, используя уловки воздействия на сознание, психологические методы. Но несправедливые законы в конце концов получают «обратную реакцию» социума.

И открытым остаётся то, как право сделать живым, а не декларативным. Если даже боязнь смерти в тех странах, где есть смертная казнь, суровое наказание в виде лишения одной из самых дорогих

ценностей – свободы, не удерживает людей от нарушений. Как убедить людей соблюдать закон?

Рассматривая это, нельзя применять чёрно-белый подход. Не значит, что люди делятся в обществе на тех, кто заведомо честен и кому законы мало нужны, так как он и так действует честно, и на тех, кто изначально преступен и его главной целью является нарушение закона.

Естественно, тех, кого на преступление толкает собственное бедственное положение, мы рассматривать в контексте права не можем. Это вне его компетенций. Это в компетенции государства, которое не создало необходимый уровень благосостояния для граждан, а значит, стабильности. Но есть и более опасный вид преступников. Те, кто делают это не просто сознательно, а с осознанием последствий и с расчётом на избежание наказания. Так же естественно, что к подобным людям мы применяем санкции. Мы уже говорили, что это не всегда действенно, а точнее это не действенно именно в той мере, в которой хотелось бы обществу. Человек совершил правонарушение, и явно, если оно крупное, мы не будем довольствоваться большим, чем спокойствием от того, что подобный человек на перевоспитании и изолирован. А ущерб-то мы как возместим?

В связи с этим очевидно, что нужно ориентироваться не на последствия, а на предпосылки в праве. Нам важно понимать, что толкнуло человека на преступление. Предотвратить всегда лучше, чем наказывать. Но как?

Почему общество можно именно убедить, а не заставить? Потому что человеку сложно идти против себя, прежде всего. Если состояние общества, нечестность, сам дух времени не соответствует пониманию должного у интеллектуального меньшинства общества, начинается конфликт. (Надо подчеркнуть, что именно интеллектуального, так как неграмотный, невежественный человек может чувствовать так же глубоко, но чаще пассивен, а что важнее, ему сложнее разобраться в природе своего внутреннего конфликта, так как чувства у него слабо связаны с разумом. Одна из причин, почему крестьянство с численной долей более 70% населения в Российской империи не отстаивало успешно свои интересы.) Поэтому, чтобы сгладить этот конфликт, лидеры самых тоталитарных государств пытались легитимировать свою власть и свои действия. Пример тому и Конституция Сталина, и идея вождизма в Северной Корее, и идея построения Великой Италии у Муссолини (или Великой Испании – у Франко). Это оправдывало многие жертвы для великой цели, оправдывало устранение того интеллектуального меньшинства, которого мутной водой этих оправданий было не убедить.

Но что важно, исходя из этих рассуждений, так это то, что право лежит не в книгах, оно издаётся и обеспечивается государством, но и на этой стадии оно мёртво, оно не право, а правило. Право в головах у людей.

*«Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе и не существует. Что вы подразумеваете под этим словом? [...] Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах».*¹

Естественно, это не означает, что все мы живём по собственным установкам и по собственным конституциям. Это говорит о том, что в цепочке воплощения права в жизнь решающим фактором является та, которая затрагивает персональное восприятие права. Но и возлагать на право чрезмерно большую роль мы также не можем. Я бы сказал, что понять истинную ценность и цель в праве можно лишь после постижения того, почему вообще важна справедливость, почему так принципиально учитывать интересы ближнего, почему важна гуманность, когда намного легче подавить насилием.

Суть в том, что личный интерес, свои цели движут людьми всегда. И в том, что они периодически сталкиваются, нет ничего зазорного, но есть порядок жизни. Другой вопрос, как мы это регулируем. И тут я не возьмусь давать рецепт. Ситуаций очень много и каждая требует индивидуального подхода и решения. Кажется, что это утопично и абстрактно. Но совершенно удивительно понимать, что в Римском государстве существовало преторское право, которое по сути было созданием конкретных людей, исходя из их понимания честности и справедливости. Похожими полномочиями наделены и современные судьи. Каждый раз, когда мы стремимся наделить кого-то подобными полномочиями, мы наталкиваемся на дивергенцию во взглядах людей. Как они могут выносить объективные решения при наличии собственных взглядов или хуже, личной заинтересованности? Но если есть понятие аналогии права, которое опирается на дух закона, на его принципы и цели, а значит существует нечто общее в правопонимании и, более того, в понимании доброго, честного и справедливого.

Читатель уже наверняка заметил, что в своих размышлениях мы опираемся почти всем телом на психологическую теорию Льва Петражицкого. И, действительно, правда в этом есть. Поэтому в завершающем тезисе хотелось бы обратиться как раз к одному важному послыу Льва Иосифовича. Это так называемая Политика права.

Надо сказать, что учёный так до конца и не разобрался, что движет социально-разумным поведением (то есть стремлением общества действовать правильно, нравственно, в некоторой степени) человека. Единственное точное, к чему он пришёл, так это то, что восприятие правовых

---

¹ М. Булгаков «Собачье сердце»

норм и норм вообще есть «бессознательный процесс социально-психического приспособления», что значит, что в процессе общения с другими членами общества ему сообщаются определённые нормы должного, которые воспринимаются им и связываются с психологической оценкой собственного поведения.

Это очень близко к правде, если не учитывать, что существуют примеры людей с неконформистским (в мягком смысле) поведением, которые сами движут общественным мнением, исходя из духа и понимания абсолютно должного и справедливого. Если ввести эту переменную, выстраивается довольно внятная картина правового поля.

Потрясающий тезис о том, что нужно не заставлять людей что-либо делать, а сделать это их собственным убеждением и тогда процесс саморегуляции в обществе достигнет наиболее оптимального варианта. Но как это сделать?

В самом общем смысле ответ на это Петражицкий даёт через Политику права. Людям нужно попросту прививать эти эмоционально-психологические связи по отношению к справедливому и должному в процессе образования, повышения правовой культуры.

Заключение

*«Мы должны быть рабами законов,
чтобы стать свободными»
Цицерон*

Кажется, что в наш век образования мы движемся к этому. Но очевидно, что наличие широкого кругозора или багажа знаний не решает вопрос соблюдения норм. Даже судьи – люди образованные и куда уж лучше сведущие в праве – ограничены системой сдержек от оппортунизма. И они могут (в плане вероятности) нарушать закон. Очень важно, чтобы эта психологически-эмоциональная связь стала достоянием не меньшинства, а целого общества или его большей части. Тогда, кроме мощного регулятора в виде собственных убеждений, мы получим опору в виде общественного одобрения или осуждения, которое будет действеннее государственной машины принуждения.

Мы не уберём совершенно противоположность в обществе точно так же, как уже существующий внутренний регулятор человека, мораль, не убрал аморальные поступки из нашей жизни. Но что довольно точно можно сказать, что восприятие и понимание должного, формирование у людей о праве мнения как о благе и необходимом, которое даёт им свободу в обществе, несмотря на то, что общество само по себе подразумевает ограничение, это и есть обозримый идеал установления стабильного правового государства. И надо отметить, что мы стремимся не конкретно к правовому государству как к конечному пункту, а государству благоденствия(насколько оно вообще возможно), одной из станции на пути к

которому как раз является правовое государство. И в данном случае, как и проезжая по железнодорожным путям, мы не сможем достигнуть нужной цели, не пересекая или объезжая эту станцию. Опять же это не решит всех вопросов и проблем нашего общества, но несколько приблизит идеал нашего *commonwealth*, нашего *res publica*.

Культура, правовая культура в частности, их развитие должны стать мощнейшим двигателем к тому, чтобы мы соблюдали право и, что важнее, делали это не слепо. Подобно тому, как отстаивание своих прав не должно расцениваться как сутяжничество, следование нормам не должно рассматриваться как конформизм, а как следование идеалам сохранения стабильности и процветания общества и человека.

Разве это не удивительно, что, находя крупную сумму денег и прилагая усилия, чтобы найти их обладателя, мы встречаем недоумение некоторых окружающих. Не понятно, почему не оставить деньги себе? А объяснение «почему?» лежит даже не в сфере морали или скорее не только. Что с того, что так честно и правильно? А это правильно именно в той мере, в которой это сохраняет общий баланс справедливого в обществе, общее стремление действовать честно в обществе для общего благосостояния. И когда один человек действует так, а большинство других понять его не может, то в этом мало смысла. Но когда человек заражает своим примером и вот уже большинство действует так, мы понимаем, что общество движется к балансу и стабильному процветанию. И тогда право живое. Потому что анархия не в клозетах, а в головах.

Литература

1. Н.И. Матузов, А.В. Малько «Теория государства и права» (2013).
2. И.Ю. Козлихин, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина «История правовых и политических учений» (учебник).
3. И.Б.Новицкий «Римское право» (2012).
4. Е.Трубецкой «Энциклопедия права».
5. Л.И. Петражицкий «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (2005).

Источники:

1. Курс лекций по теории права и государства юридического факультета СПбГУ (Тимошина Е.В.).
2. Курс лекций «Всемирная юридическая история ч.1 (https://courses.openedu.ru/courses/course-v1:msu+LAWHIS+fall_2016/info) и ч.2» (https://courses.openedu.ru/courses/course-v1:msu+LAWHIS2+fall_2016/info)